

ВИЗАНТИЯ, ХАЗАРИЯ И КОЧЕВНИКИ

В. С. Аксенов (Харьков)

К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДЕ ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ У АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обряд обезвреживания погребенных отмечен на многих могильниках Восточной Европы. Вопрос существования этого обряда у аланского населения салтовской культуры в течение ряда лет настойчиво поднимает В. С. Флеров [1993, 1997, 1998]. Исследователь не без оснований утверждает, что нельзя все нарушенные погребения считать ограбленными. Исследования ряда катакомбных могильников бассейна Северского Донца — Старосалтовского (ССМ), Верхнесалтовского III и IV (ВСМ-III, ВСМ-IV), Рубежанского (РМ) — позволяют существенно дополнить арсенал аргументов в пользу существования у алан Подонья обряда обезвреживания погребенных.

1. Современные салтовцам грабители вряд ли могли безнаказанно орудовать на могильнике, ибо почти все известные некрополи расположены в непосредственной близости (зачастую в пределах прямой видимости) от городищ с довольно значительным населением (Старый Салтов, Верхний Салтов).

2. Могилы, по-видимому, не имели достаточно четко выраженных признаков на поверхности, и по прошествии сравнительно непродолжительного времени вообще терялись. Известны случаи (кат. № 25 ВСМ-III), когда салтовцы бросали начатый дромос, так как он пересекался с дромосом более ранней катакомбы. Поэтому можно допустить, что поиск катакомб для грабителей нового времени был сопряжен с немалыми трудностями.

3. Погребальный инвентарь одиночных захоронений с не потревоженными и нарушенными костяками довольно часто идентичен. Катакомбы с нарушенным костяком иногда содержат вещи, изготовленные из золота и серебра, предметы вооружения и конского снаряжения (кат. №16 РМ, №№22, 30, 31, 33, 37 ВСМ-IV).

4. Большое количество открытых на могильниках погребений с тайничками — 2 на ВСМ-I (конь №3, 4), 1 на ВСМ-III (кат. № 25), а также их содержимое (только позолоченные бронзовые фалары и конские начельники), свидетельствуют об отсутствии

опасений у населения за целостность положенного в камеру инвентаря.

5. Люди, проникавшие в могилы, были знакомы с их устройством и расположением в них покойников (кат. № 15 РМ, № 30 ВСМ-IV). Проникновение в могилу сопровождалось рядом обрядовых действий: укладывали, перед входом в камеру, ножи, обращая их острием к началу дромоса (кат. № 14 РМ, №20, 25, 36 ВСМ-IV), совершали жертвоприношения (кат. №14, 18 РМ). Отмечены случаи возвращения на первоначальное место каменного заклада (кат. № 15 ССМ, 18 ВСМ-IV), что вряд ли делали бы грабители.

6. Из могил, иногда, изымались вещи не представляющие особой ценности (гончарный сосуд — кат. № 37 ВСМ-IV), а довольно ценные вещи (сабля — кат. № 25 ВСМ-III) перекладывались с одного места на другое.

7. В некоторых случаях (кат. № 31, 33 ВСМ-IV) заполнение камер с нарушенными костяками состояло из нескольких чередующихся слоев материковой глины (толщиной 8–12 см) и чернозема (толщиной 2–4 см), содержащего древесные угольки и фрагменты керамики. Преднамеренный характер действий родственников умерших в данных случаях очевиден.

8. Ход повторного проникновения имеет в плане неправильную форму и местами в 2–3 раза превышает первоначальную ширину дромоса. С позиции грабителя в камеру легче было бы пробраться через ее свод или по дромосу, засыпанному рыхлым, легко копающимся грунтом, но не путем расширения последнего, увеличивая тем самым трудозатраты и теряя время. Наблюдения за раскопанными, но не засыпанными дромосами показали, что в результате водной эрозии стенки их быстро осыпаются, приобретая неправильную форму, как в ходе повторного проникновения. Вероятно, в древности часть дромоса перед входом в камеру не засыпалась землей, а закладывалась каким-либо легко изымаемым материалом для облегчения проникновения в камеру для подзахоронения или совершения обряда обезвреживания погребенного.